

А. И.
КУПРИН

Избранное

Рыжие, гnedые, серые, вороные...

Александр Куприн

Илья Бырдин

«Public Domain»

1928

Куприн А. И.

Илья Бырдин / А. И. Куприн — «Public Domain»,
1928 — (Рыжие, гnedые, серые, вороные...)

«Он невысокого роста, но строен, прям и крепко сложен. Серые глаза его посажены несколько близко к носу, но в них зоркость и смелость. Движения точны и гибки. Руки у него маленькие, но, даже при обычном осторожном пожатии, чувствуется их тугая упругость, сталь (вспомните толстовского троечника Балагу)...»

Александр Иванович Куприн Илья Бырдин

Он невысокого роста, но строен, прям и крепко сложен. Серые глаза его посажены несколько близко к носу, но в них зоркость и смелость. Движения точны и гибки. Руки у него маленькие, но, даже при обычном осторожном пожатии, чувствуется их тугая упругость, сталь (вспомните толстовского троечника Балагу).

Он прекрасный собеседник; рассказ его жив, быстр и в меру насыщен содержанием. Только у русского, очень, совсем, насквозь русского человека, говорящего о своем привычном и любимом деле, можно заметить такую точность определений и чистоту языка, такую сжатую свободу речи и легкую послушность необходимых слов. Разговор с ним тем еще приятен, что он мало говорит о себе и совсем ничего о своих успехах на ипподроме; разве вытянешь из него насилию-насилию... Так, не от него, а из спортивного французского журнала, из статьи Little Driver'a я узнал о замечательном рекорде нашего славного наездника, который в продолжение одного бегового дня взял в семи заездах семь первых призов. Явление почти невозможное, особенно если вспомнить, что знаменитый французский жокей Парфреман, прозванный на пелюзе «le crocodile» за ту неистовость, с которой он пожирал призы, пространство и своих соперников, взял однажды только пять первых призов в шести дневных скачках.

Благодаря этой-то личной скромности, рассказ наездника так значителен и занимателен. Это история русского коневодства и коннозаводства, это история русского рысака от старинных великих орловцев Сметанки и Барса до чистокровных и чистопородных хреновских, наконец, до нынешней метизации голубой орловской крови с сухой и терпкой кровью американского рысака; это история великих охотников рысистого бега.

Первый, кого вспоминает Николай Кузьмич, это московский лошадиный барышник Илья Бырдин. Во времена Бырдина мой наездник еще и не родился на свет божий, а мне, пишущему эти строки, было тогда лет пять-шесть не более, но имя Бырдина я успел удержать в своей московской памяти. Кроме торговли конями, Бырдин держал свой собственный завод и пускал лучших лошадок на бега, не так ради денег, – призы тогда были игрушечные, – как из честолюбия.

– Москва, – говорит Николай Кузьмич, – усесистая Москва, совсем особенный город. Даже не город, а отдельное ни на что не похожее государство: путаное, смешное, причудливое, черт знает какое широкое, иногда трогательное, иногда жестокое, но все-таки великое! Все друг друга знали. Любого извозчика вы могли бы в наше время спросить: кто первый в Москве по голосу и по красоте служения протодьякон? Вам ответят без запинки, – Шаховцев. Кто главный кулачный боец?

– Никита Плешкин. – У кого лучшая голубиная охота? – У Сережки Вязьмитинова в Малом Голутвенном, что за Москвой-рекой. – В чем трактире курить не дозволяется и соловьи в клетках? – У Егорова в Охотном. – Чей церковный хор поет умильнее прочих? – Хор Сахарова. – У кого самые вкусные расстегаи? – Ну, конечно, у Тестова, а калачи – у Филиппова. – Кто первый мастер устраивать народные гулянья, балаганы на Девичьем, фейерверки и ледяные горы? – Обязательно Сергей Шмелев. Так и Бырдина знала вся Москва, как непревосходимого ценителя и знатока лошадей.

Николай Кузьмич говорит, что его он не застал, но много ему о Бырдине рассказывал Алексей Федорович Шереметев, бывший лейб-гусар, промотавший очень много состояний, отличный скакун в стипль-чезе и на гиппических конкурсах, а на старости лет предавшийся целиком беговой охоте.

Бырдин был старообрядец, ходил в поддевке, сапоги бутылками, волосы острижены под горшок. Ни для кого не менял своей манеры. Надо сказать, что в те времена рысистой лошастью начали заниматься даже и большие господа. После братьев Орловых был какой-то перерыв.

А потом снова заинтересовались. Что-то вроде патриотизма было, или случайная мода подошла.

Тогда только что заводил беговую конюшню молодой граф Воронцов. Бега в ту пору были, извините за выражение, примитивные. Происходили они не на Ходынке, а на Пресне, на пресненских прудах, что против Зоологического сада. Не было тогда ни сулков, ни американок, ни обер-чеков, ни бандажей, ни наглазников; летом гонялись на дрожках, зимою на легоньких санках.

Вот граф Воронцов возьми и влюбись в одного бырдинского жеребенка-трехлетка. Пристал к Бырдину без короткого – продай да продай. Давал две тысячи; по тому наивному и первобытному времени – сумма огромная. Бырдин – нет. Граф разгорячился: десять тысяч. – Нет! Рассердился граф: – сам назначай цену. Отвечаю. – Тогда этот упорный козел, Бырдин, говорит ему спокойно и, – как всем он всегда говорил, – говорит по-московски, на «ты»:

– Видишь ли, граф: ты и молод, ты и красив, и многим взыскан от бога, и государь к тебе ласков, и богат чрезвычайно, и женщинами любим. На кой ляд тебе мой жеребенок? Ведь это каприз у тебя, не больше? А для меня эта лошадка – моя последняя, единая радость. Давай, брат, разойдемся лучше по-хорошему и останемся приятелями. Жеребенка же не продам.

И граф понял, укоротился. Потом друзьями стали. Много Бырдин ему дельными советами помог по устройству завода.

И еще: по рассказу А. Ф. Шереметева, замечательно принял Бырдин на своем заводе государя императора Александра Второго. Царь любил лошадей и знал в них толк. Но все-таки как любитель, как, извините за выражение, дилетант, он предпочитал серых в яблоках. Самая нарядная, но и самая ненадежная масть. В гнедых и рыжих надо верить. Не скажу дурного слова и про вороных. Только без нужды горячи и скоро взмываются. Относится это отчасти и к караковым и к игреневым.

Царю рассказали про Бырдина. Он заинтересовался. Обещал приехать поглядеть бырдинскую конюшню, которая помещалась тут же, на Пресне, вблизи бегового круга. И в самом деле приехал. Тогда еще цари держали твердо свое обещание, кому бы оно ни было дано. И приехал не один, а втроем: с государыней императрицей и с молодым наследником-цесаревичем. Три кресла были особам приготовлены: красный рытый бархат, а ножки в антоновской позолоте, чистого листового золота. Потом эти кресла так и остались Бырдину на память; только он к ним на спинках укрепил золотые дощечки с именными надписями. И уж, понятно, никому на эти кресла садиться не позволял и сам не садился.

Встретил он царскую фамилию в воротах, обнажив лысую голову. Поклонился истово, по-прежнему, глубоким русским поклоном, коснувшись пальцами земли.

Государь ему говорит:

– Здравствуй, Бырдин. Тот отвечает:

– Будь здоров и благополучен, царь великой России, со своей царской семьей и с твоими благими помыслами. Чаю, лошадок моих приехал посмотреть? Сделай милость. Вот тут удобнее присесть. Как прикажешь, батюшка, с фасоном лошадей выводить или без фасона?

Села фамилия. Государь улыбается. Красавец он был необыкновенный! Говорит:

– Ну уж, Бырдин, это твоя воля. Тебе виднее. Давай хоть с фасоном.

– Слушаю, отец наш.

Легонько плеснул ладошками: «Выводи!»

Выводка – штука всегда серьезная. Нечего говорить, бырдинские конюха немножко подготовились. Раскрылись сразу все конюшенные двери. Ведут конюхи лошадей, все по паре. Пара серых, пара вороных, пара золотых, пара рыжих, пара розовых, пара соловых. Пляшут

кони, чувствуют на себе взгляд знатоков. И конюхи, как на подбор: красные шелковые рубахи, шляпы с павлиньими перьями, бархатные черные штаны, сапоги лакированные. Коней едва сдерживают на развязках. А Бырдин только слегка ручкой помахивает: «Легше! полегше!» Дело было на масленой неделе. Значит, представьте себе: масленица и Москва! Небо яркосинее, облака мчатся, как лебеди, солнце палит, точно летом, снег – цвета халвы ореховой, со всех семи холмов московских бегут-бегут веселые, говорливые ручьи; с ледяных сосулек на карнизах звонко каплет талая капель, будто многоцветные бриллианты падают, воробьи кричат так, что нет мочи; блинами по всему городу пахнет, воздушные шары гроздьями качаются на нитках, все блестит, сверкает, сияет, весной с юга тянет!.. Какова рамка-то для такой картинки, как царская выводка лошадей? Красота!

Очень царь был доволен. Не успевал хвалить лошадок бырдинских. Сказал адъютанту: «Запиши: Бырдину из моего кабинета золотые часы с вензелем».

Бырдин же был мужичонко не без лукавства. Надо сказать, что в Москве он только прижился, а сам был ярославец. Ярославцы, вы сами знаете, – русские американцы. Очень они простосердечны. Однако про их простоту недаром сложилась поговорка: ярославская простота, что мордовский лапоть – о восьми концах. Он вдруг и говорит государю:

– Батюшка царь, знаю, что ты, подобно солнцу, всем даришь радость, и тепло, и свет, и негоже твоим подданным делать тебе подарки. Однако позволь, император, заплатить тебе маленький должок.

Государь удивился:

– Что ты, Бырдин, за пустяки говоришь?

– Оно, конечно, пустяки, батюшка, а вот отменил ты крепостное право. Освободились мы, русские мужики, и многие в люди вышли, слава тебе господи.

Сам ты изволил мою конюшенку похвалить. Уж позволь, государь, привести тебе в Питер трех сереньких лошадок?

Император позволил. И правда, доставили бырдинские молодцы в государеву конюшню тройку отменных серых жеребцов.